

В.Э. Шунк*

Законодательное регулирование положения душевнобольных как отражение правовой культуры российского общества XIX века

Правовая культура общества в теории права понимается как качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне правовой действительности, юридических актов, правосознания общества, а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека¹. В область правовой культуры входит понятие правового режима, обеспечивающего надлежащий уровень законности и возможности реализации и защиты прав и свобод человека, режима, утверждающего демократию и свободу. О высоком уровне правовой культуры в обществе свидетельствует наличие надлежащих условий, при которых возможна достойная жизнь, свободное разви-

* Адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Нижегородской академии МВД России.

¹ См.: Теория государства и права / Под общ. ред. В.К. Бабаева. М., 2001. С. 306.

тие и реализация интересов всех членов данного общества. Совершенное законодательство, лишенное пробелов и противоречий, — неперменный атрибут общества с высоким уровнем правовой культуры. Естественно, что истинно правовое государство немыслимо без высокого уровня правовой культуры в обществе.

Сегодня российское общество находится на пути построения правового государства, способного обеспечить реализацию и защиту прав и свобод своих граждан, в первую очередь тех членов общества, которым в силу объективных причин сложно или невозможно самостоятельное осуществление своих прав и свобод. К такой категории граждан, безусловно, относятся лица, страдающие психическими заболеваниями.

В настоящее время раздается немало критики в адрес законодательства в области психиатрии, а также его реализации на практике. С одной стороны, законодательство правоприменителям видится либеральным и демократичным, а с другой — государство сняло с себя значительную часть своих функций в данной сфере, переложив их непосредственно на плечи родственников и опекунов лиц, страдающих психическими расстройствами. Высказываются так же мнения о недостаточности оснований о недобровольном освидетельствовании данной категории граждан (в гражданском порядке). В этой связи интересно рассмотреть и проанализировать российский исторический опыт XIX в. — периода, в который собственно происходило активное нормотворчество, регулирующее гражданские права душевнобольных.

Политическая ситуация в Российской империи XIX в. была весьма динамична. Особенно она проявилась в период реформ 60–70-х гг. XIX столетия. Основная масса социальных и административных реформ, проводимых в то время Александром II, кардинальным образом отразилась на правовом статусе человека и, естественно, на законодательстве.

Говоря о частных правах граждан, можно отметить, что уже к середине 60-х гг. XIX в. в законе определилась общая концепция. Суть ее состояла в том, что частная жизнь человека находилась в сфере свободного усмотрения. Законом разрешалось каждому лицу приобретать имущество, распоряжаться им по своему усмотрению, а также самостоятельно заботиться о своей личности, ограничивая эту свободу только в известных, конкретно определенных случаях.

Разумеется, свобода частной жизни была безусловной, она гарантировалась субъекту, обладающему известным физическим и умственным развитием. Для реализации права личного распоряжения имуществом требовалась так называемая «зрелость воли», т.е. способность отдавать себе отчет в собственных действиях, умение понимать свои интересы и выгоды. Такое развитие, как принято было считать, приобреталось само собою с достижением совершеннолетия.

Однако законодатель, предполагая возможность утраты совершеннолетним лицом своих умственных способностей или же обладания душевными расстройствами от рождения, в этих случаях ограничивал таким лицам их дееспособность или вовсе лишал ее.

Вероятно, ограничивая дееспособность душевнобольных лиц, государство исходило исключительно из их интересов и выгод. Кроме того, оно возлагало на себя обязательства об их личной и имущественной защите. Здесь имелись в виду случаи, когда владелец имущества по закону был

лишен права лично им распоряжаться, а имущество оставалось без владельца или лица, его заменяющего (например, при отсутствии наследников и т.п.). Так возникло основание института опеки. Это «есть установленное государством попечение о личности, об имуществе и о личности таких, которые сами не в состоянии заботиться о себе или о своем имуществе»².

Следует отметить, что это определение не нашло своего законодательного закрепления в XIX в., однако в правоприменительной практике существовала аналогия в его толковании.

В XIX в. почти во всех европейских странах, как и в России, установление опеки над душевнобольными было предоставлено суду первой инстанции. Над лицами, страдающими сумасшествием от рождения, устанавливалось попечительство, однако слабоумные, не лишенные сознания, необходимого для самообслуживания, могли лично управлять и распоряжаться своим имуществом. Душевнобольной сохранял все свои права, и его гражданская правоспособность не ограничивалась. Он утрачивал лишь дееспособность, которая в моменты просветления сознания (по мнению еще римских юристов) возвращалась к нему в полном объеме.

Ограничивая свободу человека в его частной жизни, государство брало на себя ответственность попечения о его личности и имуществе и возлагало заботу о нем на специально назначаемое для этого лицо — опекуна, который своими действиями должен был заменять опекаемого.

Следует отметить, что юристы-современники особо выделяли фигуру и положение опекуна, наделяя его не только специфическим правовым статусом, но и высокими моральными характеристиками. Так, известный юрист А.С. Рабинович полагал, что «положение опекуна очень ответственное и требует не только добросовестности и желания принести своими действиями пользу опекаемому и его имущественным интересам, но и знания тех прав, которые возложены на него для достижения цели опеки. За свои действия опекун отвечал не только перед опекаемым, но и перед государством, которое в лице опекунского установления могло устранить опекуна от возложенной на него обязанности»³.

Таким образом, юристы XIX в. закладывали основу доктринального толкования волеизъявления государства в лице законодателя, а также отражали в своих комментариях не только и не столько правовую суть явления, но и высокие моральные идеи законодателя. Подобные приемы используются в современном отечественном нормотворчестве (например, в семейном праве).

Цель опеки над душевнобольным заключалась в заботе о личности или имуществе опекаемого, она устанавливалась только исходя из этих интересов. Опеку следует отличать от такого института права, как управление имуществом в интересах третьих лиц.

Изучение законодательства указанного периода показывает, что общие правила опеки, изложенные главным образом по поводу «опеки в порядке семейном», т.е. над несовершеннолетними, распространялись на все

² Рабинович А.С. Опека и попечительство по действующему русскому законодательству. М., 1913. С. 1.

³ Там же. С. 1–2. См. также: Солонимский Л.З. Умственное расстройство и его значение в праве гражданском и уголовном. СПб., 1879.

виды опеки и регулировали правовой статус опекунов, опекаемого лица и его имущества, какова бы ни была причина учреждения опеки. Нормативные акты, относящиеся к этому институту, принадлежали к различным эпохам, не были систематизированы, а были рассеяны в многотомном Своде законов Российской империи.

Как отмечали юристы-практики того времени, огромное количество дел, предметом которых была опека, регулировались не позитивным правом, а обычным. Это касалось прежде всего крестьянского сословия, так как у него фактически отсутствовала возможность доступа к нормативной базе государства.

В описываемый период опека стала государственным (публичным) институтом. Причина этого кроется в том, что отечественная юридическая наука второй половины XIX в. начинает закладывать четкое содержание понятий правоспособности и дееспособности личности, которые во многом сохранились до сегодняшнего времени в отечественной теории права, а некоторые определения дошли до нас практически неизменными.

Так, *правоспособностью* считалась «способность лица быть субъектом прав и обязанностей, т.е. иметь и приобретать права»⁴. Причем данной способностью после отмены крепостного права в России стали обладать все люди от рождения. В дореформенный же период право рассматривало крепостных как имущество, связанное с земельным участком и составляющее его принадлежность. Правоспособность признавалась за каждым человеком с момента рождения и до смерти. Тем не менее между этими двумя моментами законодатель предусматривал ряд возможностей ограничения либо полного прекращения (например, лишение всех прав по приговору суда или пострижение в монашество и т.п.).

От правоспособности физических лиц отличалась *дееспособность* как «способность к действиям, имеющим юридические последствия»⁵. Такими последствиями признавались возникновение, переход или прекращение права по воле данного лица.

Однако следует отметить, что в русском законодательстве того периода не было фактического закрепления данных понятий, хотя юридической науке они были известны. Исходя из определенных норм закона цивилистам удавалось разграничить данные понятия. Встречались анахронические примеры частичного ограничения правоспособности по определенным признакам (например, национальность, сословный признак, вероисповедание, род занятий и т.п.). Дать исчерпывающий перечень обстоятельств, влияющих на правоспособность лица, затруднялись даже юристы-современники вследствие полного отсутствия систематизации постановлений в Своде законов Российской империи по данному вопросу.

Итак, законодательству XIX в. были известны различные виды опеки и попечительства, среди которых — и опека *над душевнобольными*.

Государственная опека обыкновенно выражалась в том, что к опекаемому или к его имуществу назначалось особое лицо, которому поручалось управлять имуществом опекаемого или заботиться о его личности, или и то и другое вместе.

⁴ Рабинович А.С. Указ. соч. С. 3.

⁵ Там же. С. 5.

Законодатель предусматривал случаи, когда опекаемое лицо могло действовать вполне самостоятельно и только в известных случаях должно было испрашивать разрешения опекуна на совершение сделок. В отношении же душевнобольных законодатель полностью ограничивал их гражданскую дееспособность.

В указанный период превалировали правила об опеке и попечительстве, учреждаемых над личностью и имуществом несовершеннолетних лиц, — как центральная позиция законодательства об опеке и попечительстве. Поэтому исходя из общего положения необходимо было во всех случаях учреждения опеки и попечительства над душевнобольными применять аналогию с законами об опеке по несовершеннолетним. Само собой разумеется, что когда опека носит характер секвестра, аналогия не должна иметь места, так как по существу это уже не является опекой.

Законодательству XIX в. была известна градация душевнобольных на «безумных», т.е. лиц, страдающих душевным расстройством с рождения, и «сумасшедших», т.е. лиц, душевное расстройство которых было приобретенным в процессе жизнедеятельности. Говоря о последней категории, законодатель акцентировал внимание на том, что заболевание сумасшедших «может наносить обоюдный вред обществу и им самим и потому требует особенного за ними надзора»⁶. Неясно, почему законодатель обратил внимание только на «сумасшедших», оговаривая необходимость специального надзора за ними, хотя фактически такому надзору на практике подвергались обе категории душевнобольных. Не понятен смысл такого деления, так как устанавливались общие правовые последствия для лиц, страдающих психическими расстройствами, вне зависимости от причин и времени происхождения психического заболевания данного лица. Кроме того, следует также отметить, что и вышеприведенная категоризация была весьма условной, законодатель сам далеко не всегда четко ее придерживался.

Интересно, что законодатель традиционно (с петровских времен) не считал смягчающим обстоятельством при совершении преступления «помутнение рассудка» под влиянием алкоголя. «Под слабоумием закон понимает такие прирожденные или случайные недостатки умственных способностей, которые произошли независимо от страждущего ими лица и к которым причиняемое излишним употреблением горячих напитков помрачение ума ни в коем случае не может быть причисляемо» (п. 4. ст. 134 Уложения о наказаниях, решение Уголовного кассационного департамента 1870 г. № 918).

Любой семье, в которой находилось душевнобольное лицо, предписывалось сообщать об этом местным органам власти, после чего его обязательно подвергали освидетельствованию, порядок которого был весьма усложнен требованиями многочисленных нормативных предписаний, регулирующих данный процесс.

В примечании к статье 367 Свода законов Российской империи говорилось о том, что безумные и сумасшедшие, не совершившие преступления и проходящие лечение в специализированных частных клиниках, могут быть освидетельствованы в общем установленном порядке только по требованию их родственников, опекунов, попечителей или наследников.

⁶ Свод законов Российской империи. Т. X. № 365, 366.

Запрещалось содержание неосвидетельствованных лиц в данных клиниках. В случае, если таковые попадали в них, то руководству частной лечебницы следовало немедленно сообщать о данном факте «местному медицинскому начальству», которое представляло об этом губернатору⁷. Затем освидетельствование проходило в общем порядке. Как правило, процедура освидетельствования зависела от следующих основных факторов: происхождения лица, его подданства и его места жительства и т.п.

Законодатель в течение более чем пятидесяти лет вырабатывал относительно общие правила, касающиеся освидетельствования душевнобольных. К 1869 г. правила были более или менее унифицированы и содержались в статьях 368, 371 и 372 Свода законов Российской империи. При освидетельствовании обязательным было присутствие председателя или товарища председателя Окружного суда, или одного из членов Окружного суда, прокурора, или товарища данного суда и одного почетного мирового судьи, проживающего в этом городе. Законодателем предусматривалась вариация указанных правил в зависимости от места проведения освидетельствования, т.е. в случае отсутствия кого-либо из указанных чиновников возможно было участие лиц, их заменяющих (например, почетного мирового судьи, членов городских дум и т.д.).

Указанные правила видятся вполне логичными, особенно в русле глубокой реорганизации государственных органов, проводимой в 60-е годы XIX в., в частности судебной реформы. Отсюда совершенно естественным было введение в процесс освидетельствования на предмет душевной болезни граждан мировых судей как основных представителей центральной правозащитной инстанции — суда, в ведении которых были гражданские дела. Фигура прокурора в данном случае была вполне уместной как представителя надзорной инстанции, в том числе и за судами.

Таким образом, посредством введения в процесс признания человека душевнобольным представителей состязательных сторон при принятии этого решения, законодатель максимально обеспечивал защиту прав граждан, придавая данному процессу принцип беспристрастности.

Для упрощения данной процедуры Государственный совет в 1871 г. разрешает проводить освидетельствование на предмет душевного расстройства в окружных судах и без участия врачебного инспектора или его помощника, а в присутствии двух врачей, назначаемых врачебным отделением губернского правления. Суду в этом случае предоставлялось право как по собственной инициативе, так и по просьбе заинтересованной стороны приглашать к участию в освидетельствовании еще и третьего врача для осуществления альтернативного контроля за объективностью заключения⁸.

В процедуре освидетельствования, помимо всего прочего, удивляет один момент: освидетельствование в принципе проводилось без обязательного участия основного по сути специалиста — психиатра. Таким образом, решать вопрос о вменяемости предоставлялось административным и судебным органам. Возникает вопрос: насколько компетентным могло быть такое заключение?

Первый этап процедуры освидетельствования лиц с подозрением на психическое расстройство заключался в строгом рассмотрении определен-

⁷ ПСЗ II. Т. XXXVI. № 36886.

⁸ ПСЗ II. Т. XLVI. № 49362.

ной комиссией ответов на предложенные вопросы, касающиеся повседневной жизни данного лица. После чего материал по освидетельствованию направлялся в Правительственный Сенат для принятия окончательного решения о психическом состоянии лица и необходимости (либо отсутствие таковой) установления опеки над лицом. Любое решение опубликовывалось в Сенатских объявлениях⁹.

Некоторые дореволюционные юристы считали такой «узкий» подход непосредственно к процедуре освидетельствования изжившим себя в том смысле, что законодатель, ограничивая данную процедуру несколькими бытовыми вопросами, отождествлял душевное расстройство с состояниями, в которых очевидно, что человек не способен к элементарным психическим реакциям. Но следовало бы учитывать, что такие состояния были несовместны в данных ситуациях.

Процедура освидетельствования душевнобольных и установления над ними опеки была не только сложной, но и весьма медленной. Этот проблемный момент приводил к тому, что закон не достигал своей конечной цели — защитить и обеспечить права указанной категории лиц. Нередко случалось, что люди признавались «душевнобольными» после многих лет страданий и подобное признание успевало принести «свои плоды» в области имущественных отношений.

Не вполне логичным видится обязанность Сената о вынесении окончательного заключения о вменяемости либо невменяемости лица. Данная формальная процедура являлась по существу заочным освидетельствованием, основывавшимся всего лишь на документально зафиксированных ответах на вопросы анкеты, выполненной в соответствии с установленными правилами. А это замедляло процесс принятия окончательного решения по делу. Подобный существенный нюанс провоцировал частые злоупотребления со стороны потенциальных опекунов (как правило, будущих наследников).

Лиц, окончательно признанных душевнобольными, либо отдавали под присмотр родственников, либо (если родных не оказывалось или они отказывались присматривать) помещали в специализированные заведения¹⁰.

Имущество лиц, признанных душевнобольными, передавалось в управление наследникам. При этом оговаривались следующие моменты: запрещалось продавать, закладывать имущество при жизни владельца; налагалась обязанность сохранять доходы, полученные от успешного управления имуществом¹¹. Законодатель дополнительно оговаривал требование отчетов от попечителей об управлении имуществом и предполагал возможность установления награды за осуществление опеки над личностью и имуществом «душевнобольных», отсылая к правилам опеки над имуществом малолетних¹².

Условно можно выделить несколько направлений, по которым осуществлялось ограничение личных прав душевнобольных.

1. *Семейные права.* Запрещалось вступать в брак с «безумными и сумасшедшими», не признавались действительными брачные отношения, со-

⁹ Свод законов Российской империи. Т. X. № 342. (ПСЗ II. Т. XII. № 10303).

¹⁰ ПСЗ I. Т. XXXIII. № 25876; ПСЗ II. Т. XII. № 10303; Свод законов Российской империи. Т. X. № 375.

¹¹ ПСЗ II. Т. XII. № 10303; Свод законов Российской империи. Т. X. № 376.

¹² Свод законов Российской империи. Т. X. № 377.

вершенные с данной категорией лиц¹³. Отдельной нормой законодатель оговаривал невозможность заключения брака с душевнобольными для лиц «евангелическо-лютеранского исповедания»¹⁴. Брак расторгался по просьбе одной из сторон, если будет доказано, что вторая сторона «лишилась ума или имеет припадки бешенства»¹⁵. В данном случае сторона, требующая развода, обязывалась предварительно обеспечить содержание другой стороны, если она не обладала имуществом, достаточным для самостоятельного содержания.

2. *Определенные ограничения, касающиеся наследственных прав.* Все духовные завещания должны были составляться в «здравом уме и светлой памяти»¹⁶. Таким образом, признавались недействительными завещания «безумных, сумасшедших и умалишенных, когда они составлены ими во время помешательства»¹⁷. Интересно, что свидетели, удостоверяющие подлинность завещания, должны были также свидетельствовать о том, что в момент составления лицом завещания они «нашли его в здравом уме и светлой памяти»¹⁸. Однако следует отметить, что лица, «имеющие умственные недостатки», т.е. «безумные», не лишались права наследования¹⁹. Но в таком случае выражение согласия или отказа от вступления в наследство возлагалось на опекуна, назначенного за душевнобольным лицом²⁰.

3. *Ограничения права на распоряжение имуществом.* Право пользования и распоряжения имуществом приостанавливалось в связи с «душевными недугами», иными словами, приостанавливалось «право состояния»²¹.

4. *Ограничения, касающиеся договорных и обязательственных прав.* Запрещалось совершать от имени «безумных и сумасшедших» любые сделки, а именно: купли-продажи, займа, поклажи, залога. Прием имущества на хранение, совершенный душевнобольным лицом, также признавался недействительным²². Соответственно данные лица не могли выступать свидетелями при совершении гражданских сделок, так как сами не могли по закону совершать таковые²³. Они также не могли свидетельствовать при совершении нотариально заверяемых гражданских актов²⁴. Действие доверенности прекращалось признанием доверителя или поверенного «безумным или сумасшедшим»²⁵.

5. *Ограничение участия данной категории в судебном процессе.* По усмотрению судьи или по просьбе тяжущихся не допускались к свидетельству «безумные и сумасшедшие», к свидетельству под присягою — «слабые, не понимающие святости присяги». Состоящие под опекою не могли быть поверенными в суде. Запрещалось участие лиц, «лишенных

¹³ Свод законов Российской империи. Т. X. № 5, 37.

¹⁴ Там же. Т. XI. № 318.

¹⁵ Там же. № 373.

¹⁶ Там же. Т. X. № 1016.

¹⁷ Там же. № 1017.

¹⁸ Там же. № 1050.

¹⁹ Там же. № 1106.

²⁰ Там же. № 1257.

²¹ Там же. Т. IX. № 7.

²² Там же. Т. X. № 708 (приложение), 1383, 1627, 2101, 2102.

²³ Там же. № 708 (приложение).

²⁴ Положение о нотариальной части. Ст. 81.

²⁵ Свод законов Российской империи. Т. X. № 2330.

рассудка», в качестве присяжных заседателей²⁶. Ответчиками в суде за данную категорию лиц по любым вопросам (по исковым тяжбам, по делам о вреде или убытках, причиненным душевнобольными, и т.п.) выступали их законные опекуны²⁷.

Интересно, что законодатель во второй половине XIX в. сформировал, по сути, нормативный институт обеспечения прав лиц, состоявших на государственной службе, подвергшихся психическому расстройству, а также членов их семей. Это отдельный блок норм, регулировавший *особые* права данной категории лиц и их семей. В основном законодатель относительно госслужащих, «подвергшихся сумасшествию», устанавливал правила льготного выхода на пенсию (например, время нахождения в «доме умалишенных» засчитывалось в выслугу лет для назначения пенсии²⁸), устанавливались размеры их пенсионного обеспечения, основания и порядок выплаты единовременных пособий и пенсий членам семей таких чиновников. Государство брало на себя полное либо частичное, временное или постоянное материальное содержание душевнобольных чиновников, тем самым в очередной раз выделяя слуг государевых в качестве привилегированного класса в обществе.

Исходя из вышесказанного следует, что «душевная болезнь» или «временное нарушение психического здоровья» согласно русскому дореволюционному законодательству делали человека неспособным к некоторым видам сделок, даже в тех случаях, когда это состояние не было установлено в официальном порядке как, например, признание брака с душевнобольным недействительным или удостоверение подлинности завещания. В остальных случаях для признания сделок, совершаемых «душевнобольными», недействительными необходимо было удостоверение их болезненного состояния в установленном законом порядке.

Больше всего в законе содержалось постановлений об опеке и попечительстве над несовершеннолетними, которые являлись и недостаточными, и зачастую между собою совершенно не связанными. В связи с этим опека над лицами, страдающими психическими расстройствами, была построена по аналогии опеки над малолетними. Опекун в полной мере заменял собой опекаемого во всех случаях, когда необходимо было волеизъявление больного — участие в суде в качестве истца или ответчика, выражение согласия или отказ от вступления в наследство и т.п.

Опекунское дело находилось в руках целого ряда административных и судебных учреждений, порой совершенно между собою не связанных: и губернатор, и дворянские депутатские собрания, и мещанские общества, и Первый департамент Сената, и судебный департамент Сената, и гражданский кассационный департамент Сената, и Синод, духовные консистории всех христианских вероисповеданий, и крестьянские учреждения и т.д.

В силу поверхностности непосредственной процедуры освидетельствования и длительности принятия окончательного решения в Сенате возникала возможность злоупотреблений со стороны заинтересованных лиц, как

²⁶ Общее Учреждение Судебных Уставов. Ст. 82; Устав Гражданского судопроизводства. Ст.ст. 45, 84, 246, 371; Устав Уголовного судопроизводства. Ст.ст. 83, 95, 704, 706.

²⁷ Устав Гражданского судопроизводства. Ст. 19; Закон о Судопроизводстве гражданском. Т. XVI. Ч. II. Ст. 34; Свод законов Российской империи. Т. X. № 654, 686.

²⁸ Свод законов Российской империи. Т. III. № 84.

правило, со стороны прямых наследников имущества, так как помещение кого-либо в сумасшедший дом, равно как и начало производства по установлению опеки, не подлежало контролю со стороны представительной власти и предоставлялось на полное усмотрение родственников²⁹. Учитывая тот факт, что законодатель не обязывал присутствовать при освидетельствовании психиатров, заключение не всегда могло носить вполне компетентный характер. Особо это касалось неоднозначных случаев душевных расстройств.

При выздоровлении лица проводилось повторное освидетельствование также по общим правилам. Решение Сената о полном выздоровлении лица влекло за собой восстановление полной дееспособности лица и, естественно, освобождало его и его имущество от опеки.

Кроме того, существовала определенная категоризация душевнобольных по классовым, национальным, имущественным, должностным критериям, территориальной принадлежности. Данные аспекты, в частности, влияли на специфику проведения освидетельствования на предмет определения душевной болезни, а также еще на целый ряд моментов, касающихся правового статуса данной категории людей.

Законодательство в XIX в. представляется достаточно прогрессивным для душевнобольных, оно стало более гуманным и менее сословным по своему назначению. Происходил процесс обращения общества к жизненным проблемам душевнобольных граждан, что говорило о социализации законодательства того времени. Развивалась тенденция защиты и обеспечения непосредственно прав и интересов душевнобольных, а не ограждения общества от «посягательств» с их стороны. Это выражалось и в повышенном интересе законодателя к призрению лиц, страдающих психическими расстройствами.

²⁹ См.: Штейнберг. Случай из жизни дома умалишенных в Могилеве // Судебный вестник. 1870. № 318. С. 1–14.